

**ПОТОМКИ
ОНОРА
ХОЛЬЦФАЛЛЯ**

МЕРСИ ХОЛЬЦФАЛЛЬ
муж Вильхельм

ПРОСПЕР
жена
Беата Брехт

ГРЕЙС

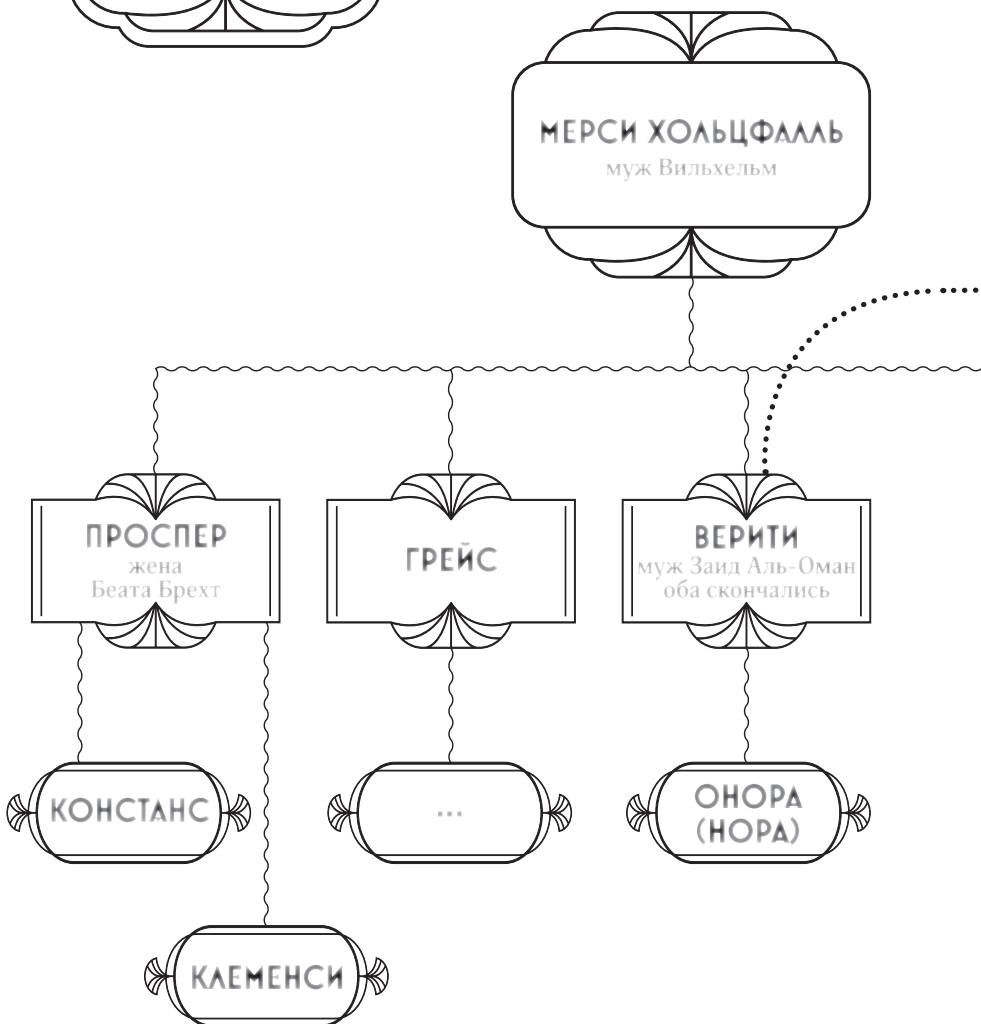
ВЕРИТИ
муж Заид Аль-Оман
оба скончались

КОНСТАНС

...

**ОНОРА
(НОРА)**

КЛЕМЕНСИ

**ОМАН,
СУЛТАН МИРАДЖИЙСКИЙ**
свергнут Мятежным
принцем, скончался

ЛЕЙЛА АЛЬ-ОМАН
+ лорд Билаль,
эмир Илиязский,
скончался

ПЕЙШЕНС
муж
Георг Отто

ВЭЛОР
скончался
на испытаниях

МОДЕСТИ

Часть I ♦ Благородство

Пролог ЗАЧАРОВАННЫЙ ГОРОД

Этот час называли волшебным.

Краткий промежуток времени перед тем, как клубы, бары и танцевальные залы выпроводят последних посетителей, но уже после того, как работники заводов и молодые продавщицы поднялись с кроватей.

Уже добежали по предрассветным улицам до своих рабочих мест горничные, повара, лакеи и дворецкие. Теперь они ждали, пока под светлеющим небом их наниматели добредут до дома после бессонной ночи и небрежно сбросят на пол туфли и галстуки-бабочки, которые слуги тут же подберут.

Неповоротливые грузовики уже развезли позвякивающие бутылки молока, плотно связанные стопки газет и остывающие буханки хлеба. Но начищенные до блеска такси и великолепные лимузины все еще простаивали в полудреме.

Про «вчера» все давно забыли, но «сегодня» пока не наступило. Верхняя половина города еще не уснула, а нижняя уже встала.

Но бессмертные лесные создания не засыпали никогда. Они наблюдали. Они смотрели, как бежит к заднему входу в белый мраморный особняк сонная горничная и чуть спотыкается, подтыкая волосы под накрахмаленный чепчик. Они гадали: не упадет ли она, не пересечет ли границу света. Они гадали: не приклонится ли к дереву лакей, стряхивающий в ладонь пепел с сигареты, не окажется ли в пределах досягаемости.

И они наблюдали, как темноволосая девушка то появляется, то исчезает между роскошными особняками. Идет по улицам в одних чулках и в платье, развевающимся под восходящим солнцем. Идет так, будто весь город принадлежит только ей.

Возможно, однажды так и будет.

Глава I

НОРА

Онора Хольцфалль никогда не опаздывала.

Каждый, кто опережал Наследницу Хольцфалль, приходил слишком рано. Каждый, кто прибывал после нее, считался опоздавшим.

Однако Нора больше не была Наследницей Хольцфалль. Строго говоря, этот титул никогда ей не принадлежал, что бы там ни писали в газетах. Она была лишь наследницей Наследницы. Но теперь Наследницы не стало, и никто не мог с уверенностью сказать, что Нора однажды займет место главы семьи. Она оставалась лишь одной из внучек Мерси Хольцфалль.

И ни один человек во всем Вальштаде, как бы богат он ни был, не посмел бы заставить Мерси Хольцфалль ждать. Даже Нора.

Особенно Нора.

А уж в первый день Испытаний Веритас — тем более.

Часы над банком на Бауэр-стрит показывали без десяти.

Нора как раз успевала.

Конечно, в идеале она пришла бы не только вовремя, но еще и обутая. Впрочем, вопреки мнению газетчиков, Норе порой тоже приходилось мириться с неизбежным.

Сегодня было равноденствие. Якобы первый день весны — хотя прохлада, по мнению Норы, стояла совсем не весенняя. Сегодня день и ночь были равны. И даже сейчас в городе, освещенном магимех-лампочками, равноденствие по-прежнему обладало силой.

Дважды в год бессмертный хульдрекалл по своей воле выходил из леса. Если не обратиться к хульдрекаллу с просьбой о Веритас сегодня, испытания придется отложить до первого дня осени.

«Не ходи в лес, дитя, — вспомнились Норе слова из старой сказки. — Там подстерегают опасности, которые тебе пока не одолеть».

Само собой, газеты не преминули высказать свое мнение о таких скорых испытаниях:

ВЫБЕРИТЕ НОВУЮ НАСЛЕДНИЦУ ПОЗЖЕ — СТАРАЯ ЕЩЕ НЕ ОСТЫЛА!

Некоторые притворно жалели Нору:

ПУСТЬ ДЕВОЧКА ОПЛАЧЕТ МАТЬ, А ПОТОМ УЖЕ СОРЕВНУЕТСЯ!

Но, как и обычно, Нора была согласна с бабушкой, а не с журналистами. Чем раньше пройдут испытания, тем скорее она займет свое законное место.

И потому сегодня Мерси Хольцфалль, матриарх семьи на протяжении вот уже трех десятилетий, спросит у хульдрекалла, кто из внучек достоин занять ее место.

Этому ритуалу уже сотни лет.

Его проводило одно поколение за другим.

Он укреплял узы крови, традиций и древних обетов.

И все же Нора не удивилась бы, реши бабушка дисквалифицировать ее за минутное опоздание на завтрак.

Нора свернула на Кениг-стрит в тот самый момент, когда со скрежетом поднялась металлическая решетка на газетном киоске. Владелец киоска принялся разрезать бечевку на толстых пачках утренних газет и раскладывать их заголовками вверх между упаковками с жевательной резинкой, сигаретами и мелкими зачарованными безделушками.

На глаза Норе попалась передовица «Вестника Вальштада». Фотография на первой полосе была сделана всего несколько часов назад. На ней Нора сидела за маленьким столиком в «Риксе» и смеялась, запрокинув голову. В одной руке у нее покачивался фужер с шампанским, а другая лежала на плече Фредди

Лётце, будто показывая: «Ох, Фредди, какой же ты забавный». На пальце сверкал бриллиант размером с вишню, а одна из лямок блестящего платья сползла, бесстыдно обнажая кожу. Нора машинально поправила эту самую лямку. Ей стоило больших усилий выглядеть столь беззаботной. Напечатанный свежими чернилами заголовок гласил:

НАИЛУЧШИЕ ПОЖЕЛАНИЯ БЫЛОЙ (И ГРЯДУЩЕЙ?) НАСЛЕДНИЦЕ ХОЛЬЦФАЛЛЬ!

Нора замерла в ожидании пьянящей эйфории, которую всегда испытывала при виде своего лица на первых полосах. Но на этот раз, под лучами холодного утреннего солнца, она была трезва как никогда.

БЫВШАЯ НАСЛЕДНИЦА ХОЛЬЦФАЛЛЬ ТОПИТ СВОИ ПЕЧАЛИ В ВИНЕ

Что ж — Нора взяла в руки «Бюллетень», соседствовавший с «Вестником», — любопытная трактовка. На этой фотографии Нора отпивает из фужера пенящегося шампанского на фоне духового оркестра в кафе «Блисс». На ногах, нахально закинутых на стол посреди царящего вокруг столпотворения, по-прежнему красуются туфли от Люсье. Должно быть, Нора оставила их в баре «Эш». Или в клубе «Алая роза».

Нора продолжила перебирать газеты, которые выкладывал владелец киоска. Само собой, почти все они поместили ее фото на первую полосу. Новости о Хольцфаллях всегда разлетались с прилавков прежде, чем успевали высохнуть чернила.

Особенно после убийства.

ГОРОД В ШОКЕ — УБИТА ВЕРИТИ ХОЛЬЦФАЛЛЬ!

Всю неделю ни одна другая новость не могла пробиться на первые полосы. Каждая газета в городе публиковала под разнообразными заголовками один и тот же снимок.

Безжизненное тело матери Норы.

Озаренное светом полицейских фар.

И вспышками жадных журналистских фотокамер.

За считанные часы до того, как был сделан снимок, мать рассеянно поцеловала ее перед уходом, как маленькую девочку. Нора сдержалась и не стала вытирать щеку, чтобы не чувствовать себя еще большим ребенком. Вместо этого она отпустила какую-то остроту о том, что не хочет носить чужую помаду вместо румян. А может, она этого не говорила. Просто подумала, прежде чем, не оглядываясь, выйти за дверь.

Она точно не помнила, потому что тогда это было совершенно неважно.

А через несколько часов вдруг стало важно. Та встреча с матерью оказалась последней. В следующий раз Нора увидела ее на первой странице газеты. Мертвой.

Именно так она обо всем и узнала. Покинув кафе «Силверлайт» прямо перед рассветом и заметив на улице мальчишку, размахивающего стопкой газет с криками: «Специальный выпуск! Специальный выпуск! Трагедия Наследницы Хольцфалль!»

Ее ждал Тео.

Порой острый ум Норы становился проклятием.

Потому что в тот самый миг, прежде чем Тео успел раскрыть рот, прежде чем она разглядела фотографию тела, Нора сложила фрагменты пазла воедино. Тот факт, что за ней прислали рыцаря Хольцфаллей, выкрики мальчишки-газетчика, плохо скрытая скорбь на лице Тео — ее мать была мертва.

А значит, был мертв и Аларик, брат Тео, рыцарь ее матери. До нее нельзя было добраться, не столкнувшись с Алариком.

Нора была единственным ребенком. Но Тео и Аларик заменили ей братьев. А теперь она в одночасье потеряла и мать, и Аларика. Круг людей, которыми она дорожила, сузился так резко, что ей стало трудно дышать.

В последний раз она увидела лицо матери на снимке с места преступления.

Он раз за разом появлялся в газетах под множеством заголовков.

ВЕРИТИ ХОЛЬЦФАЛЛЬ УБИТА В ХОДЕ ОГРАБЛЕНИЯ!

АРЕСТОВАН ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ В УБИЙСТВЕ НАСЛЕДНИЦЫ ХОЛЬЦФАЛЛЬ!

ГРАБИТЕЛЬ РАСКОЛОЛСЯ, КОГДА У НЕГО НАШЛИ УКРАДЕННЫЕ
ДРАГОЦЕННОСТИ!

ЛУКАС ШУЛЬД СОЗНАЛСЯ В УБИЙСТВЕ ВЕРИТИ ХОЛЬЦФАЛЛЬ!

Газеты с фотографиями ее безжизненного тела разлетались как горячие пирожки. Публика продолжала теряться в догадках даже после признания Лукаса Шульда. Что делала Верити в 13-м круге после заката? Какие грязные делишки могли выманить Наследницу Хольцфалль из безопасных верхних кругов города? Почему ее рыцарь не смог ее защитить? Неужели Аларик, тело которого так и не нашли, был в сговоре с Лукасом Шульдом?

А когда об убийстве больше нечего было сказать, журналисты переключились на Нору.

ПРИШЛО ВРЕМЯ ВЫБРАТЬ НОВУЮ НАСЛЕДНИЦУ!
КТО ОКАЖЕТСЯ ДОСТОЙНЕЙШЕЙ?

БЫВШАЯ НАСЛЕДНИЦА СКОРБИТ — ЕЕ НЕ ВИДЕЛИ С МОМЕНТА ПОХОРОН!

СМОЖЕТ ЛИ ОБЕЗУМЕВШАЯ ОТ ГОРЯ ОНОРА ХОЛЬЦФАЛЛЬ СОРЕВНОВАТЬСЯ
В ВЕРИТАС?

Заголовки, как камешки, били по стенам ее уединения. Насмехались над ней, даже когда она сидела в сотне этажей над улицей, оккупированной фотографами. Они ждали, пока горюющая дочь что-нибудь выкинет.

Что ж. Если им нужно зрелище, Нора его устроит.

Она выбрала неприлично облегающее платье, шитое из полосок переливающейся золотистой ткани. Оно было возмутительно полупрозрачным и то и дело норовило соскользнуть с плеч, намекая на то, чему не суждено случиться: об этом позаботятся вшитые в подкладку чары. Ее туфли от Шарля Люсье, единственные в своем роде, были изготовлены из витражного стекла и зачарованы прочнее стали. Макияж подчеркивал мираджийские черты лица, доставшиеся ей от рожденных в пустыне предков по отцовской линии. А самая яркая красная помада, имевшаяся в ее арсенале, будто заявляла: у Норы не бывает неприятностей, она сама — воплощенная неприятность.

Она вышла на сцену, чтобы всем продемонстрировать: она не сломлена.

Но на самом деле был лишь один способ доказать, что она все та же наследница, к которой они привыкли.

Победить в Испытаниях Веритас.

ИЗБАЛОВАННАЯ ОНОРА ХОЛЬЦФАЛЛЬ ЗЛОРАДСТВУЕТ, ПРЕДВКУШАЯ ТРИУМФ

Этот заголовок появился в издании «Рупор». Ну еще бы.

Они напечатали фотографию, на которой Нора, облаченная в белую меховую накидку (позднее тоже где-то забытую), лукаво ухмылялась в камеру. Рядом располагался другой снимок, тот самый, запечатлевший безжизненное тело ее матери в залитом кровью переулке.

Вместе эти два снимка говорили громче тысячи слов: Нора предается веселью, когда тело ее матери едва успели предать земле. Нужно отдать должное этой желтой газетенке: никакая трагедия не смогла бы умерить их пылающую ненависть к Хольцфаллям.

— По-твоему, тут библиотека? — Владелец киоска смерил подозрительным взглядом растущую стопку газет в руках Норы.

Похоже, он не заметил ее сходства с фотографиями. — Выбери что-нибудь одно и не загораживай проход.

Хм. Вот незадача. Нора была одной из состоятельнейших женщин в городе, но, конечно, денег с собой она не носила. Это делали официанты и обслуживающий персонал, а не Хольцфалли. Вздыхнув, она сняла с пальца маленькое кольцо с рубином. Каждая газета стоила один зауб, а за кольцо Нора отдала больше десяти тысяч.

— Вот. — Она положила кольцо в блюдце для мелочи. — Думаю, этого хватит.

Сунув газету под мышку, она вновь направилась по широкому бульвару к бабушкиному дому. Владелец киоска крикнул ей вслед:

— Если это окажется латунь со стеклом, то лучше не попадайся мне на глаза!

Впервые с тех пор, как погибла мать, Нора искренне рассмеелась. Она помахала через плечо одной из газет, демонстрируя свое лицо на первой полосе:

— Так ты много газет не продашь.

Мгновение она полюбовалась его шокированным видом, а потом резко развернулась и побежала к особняку Хольцфаллей.

Глава 2

ЛОТТИ

Я повинуюсь моей клятве...

Я не стану... Ты не... Неужели мама...

Она не... Я лучше умру.

Я ничего не видел.

Я не... Я всегда буду... Как вы могли...

Тебе не понять...

— Вставай, лентяйка.

Несколько мгновений, пока сон окончательно не развеялся, Лотти не могла понять, прозвучали ли эти слова наяву или только у нее в голове. Но, продираясь к сознанию через какофонию в ушах, она сообразила, что ни один из призраков в зарослях шиповника не говорил таким пронзительным голосом, как сестра Бригитта.

Монахиня с лошадиным лицом хмуро смотрела на нее с края ямы, озаренная лучами восходящего солнца. Казалось, само присутствие Лотти глубоко ее возмущало. Будто не она сама швырнула ее в яму.

Лотти не встала. Вместо этого она прижала ладони к глазам. Она не знала, сколько часов провела во сне, а сколько пролежала с закрытыми глазами, надеясь уснуть. Яма с ее ледяным каменным дном и несмолкающими голосами мертвых не очень-то способствовала отдыху. И если судить по числу трапез, которые ей приносили один раз в день, эта ночь в яме была шестой.

А ей предстояло провести здесь семь ночей.

Семь ночей в наказание за дерзость сестре Бригитте.

Для сестер Благословенного Шиповника семерка была священным числом.

На том месте, где теперь стоял монастырь, некогда высилась башня бессмертного бергсры*. Несколько тысяч лет назад бергсра приютил в башне юную принцессу, бежавшую от замужества с жестоким принцем. Воины принца семь дней осаждали башню, пытаясь вернуть беглянку. Семь дней бессмертный бергсра и принцесса наблюдали, как глупые смертные пытались проломить стены башни своими глупыми человеческими орудиями.

Через семь дней его терпение иссякло.

Бессмертный окружил башню густыми зарослями шиповника. Колючие ветви схватили нападающих, пронзили их шипами и оплели стеблями. Еще семь дней звучали стоны умирающих, но принцесса заглушала их игрой на арфе. В этой башне, навеки окруженной кустарником и телами, бергсра и принцесса счастливо прожили много лет.

Пока наконец ее жизнь не подошла к концу и бергсра не покинул башню — ветшающий памятник его любви к смертной.

Теперь от башни осталась лишь яма в зарослях неискоренимого шиповника, полная голосами мертвых.

Я повинуюсь моей клятве.

Лотти постаралась отогнать голос.

— С какой стати мне вставать? — Она не двинулась с места. Не показала, как отчаянно ей хотелось оказаться подальше от ямы и ее голосов. Бергсре Благословенного Шиповника было неведомо милосердие. Это, как успела уяснить Лотти, роднило его с настоятельницей ордена его имени. А значит, наказание окончилось на день раньше по другой причине.

— С той, что я тебе приказываю, — отрезала сестра Бригитта. — А покорность — добродетель, которую должны усвоить все недостойные.

---

* Мифическое горное существо в скандинавском фольклоре.

«Недостойные». Казалось бы, спустя шестнадцать лет это слово уже не должно ее ранить.

— К тому же ты прохлаждаешься здесь уже несколько дней, пока мои святые сестры выбиваются из сил, готовясь к фестивалю.

Ах вот оно что.

— Значит, ты выпускаешь меня на день раньше, чтобы не мारать свои святые руки, а заставить *меня* таскать тяжести с холма.

Святые сестры были единственными, чьих мыслей Лотти не слышала. Сестра Доротея, бывшая настоятельница, говорила, что проклятие Лотти — слышать порочные мысли. А сестры ордена посвятили жизнь служению бессмертным и тем самым очистились от пороков. Но Лотти и так знала, о чем думает сестра Бригитта. Ее выдало на миг дрогнувшее лицо, и Лотти ощутила яростный жар удовлетворения, хоть и понимала, что за эту дерзость тоже придется заплатить.

— Поразительно, — неспешно произнесла сестра Бригитта, развязывая пояс, сплетенный из тонких ветвей шиповника, — что нежеланная дочь, получившая от матери лишь проклятие, ничуть не ценит оказанную ей доброту. Тебе не помешало бы научиться смирению.

Голые ноги Лотти по-прежнему болели от ударов пояса, когда она в пятый раз спускалась с холма к фахверковым домам деревеньки Гельд.

Ранняя весна покусывала холодными зубами раны на коже, ноги вязли в грязи, а гора позвякивающих тарелок норовила вот-вот обрушиться, делая каждый спуск мучительно медленным.

Летом Гельд сиял.

Поля пропитанной солнцем золотистой пшеницы, кормившей всю деревню, окружали ее, подобно священному нимбу. Но в месяцы после сбора урожая эти самые поля представляли собой лишь бескрайние просторы тусклой голой почвы. Сколько бы фонарей ни зажигали жители на площади и сколько бы

цветных лент ни развешивали, деревня не становилась менее тоскливой. И улыбки не заслоняли мрачные мысли, которые жадно притягивало проклятие Лотти.

Она швырнула груды тарелок на деревянный стол так, чтобы та зазвенела. Сестра Ева посмотрела на Лотти с укоризной, но, будучи новенькой в монастыре, не решилась ее отчитывать, а просто развернулась и пошла прочь. Ее зеленая ряса с вышивкой в виде колючих ветвей величественно развевалась за спиной.

Других сестер поблизости не было, и Лотти оперлась о стол, прикрыв глаза и давая отдохнуть своему замерзшему, ноющему телу. «Лентяйка, — сказали бы монахини, если бы ее увидели. — Разве ты сможешь избавиться от проклятия, если будешь потакать своим порокам?»

Разговоры на деревенской площади звучали приглушенно, все еще полусонно. Но разноголосица в голове у Лотти не замолкала ни на миг.

Обычно Лотти удавалось не обращать внимания на постоянный гул. Но в Гельде редко бывало так много народу.

Сегодня деревенские жители вместе сезонными работниками закончат сеять пшеницу. Мужчины, которым не нашлось места в городе, приезжали в деревню на несколько недель, чтобы подзаработать и набить животы. Закончив с посевом, они снова садились в тарахтящие автобусы и разъезжались по домам — в Вальштад, Гренц и другие города. Но сегодня Гельд праздновал. Каждая семья приносила свое коронное блюдо, пекарня Хена готовила булочки с кардамоном, а пивоварня предоставляла пиво. Ну а монахини благословляли работников, одаривая их ветками шиповника.

Потом работники уезжали, и их мысли переставали зудеть у Лотти в голове.

Один из них, стоявший в очереди в пекарню Хена, обратил внимание, как задрался подол ее платья, когда она прислонилась к столу. В мыслях другого она увидела собственное голое

колени. Они разглядывали, как облегает ее тело платье не по размеру. Лотти чувствовала голод в их взглядах. И отголоски других мыслей, более опасных.

Из-за какофонии Лотти даже не заметила Эстель, пока та не схватила ее за запястье.

— Угадай, что я только что видела в пекарне! — заговорщицеским тоном прошипела Эстель ей на ухо. Тепло ее ладони обожгло Лотти. За шесть дней холод ямы проник в нее до самых костей. Но Эстель, если и обратила внимание на ее ледяную кожу и на то, что Лотти уже шесть дней не заходила в пекарню, виду не подала. От прикосновения сознание Лотти наполнилось мыслями Эстель. И эти мысли были не о том, где пропала Лотти, а лишь о том, что Эстель жаждала ей поведать.

— Что ты видела? — Лотти держалась поближе к лучшей подруге, пробираясь через толпу. Голоса в голове начали затихать.

— Нет уж. — Эстель очаровательно надула губки. — Попробуй угадать.

Лотти и так знала, что видела Эстель. Мысль торопливо прыгнула ей в голову в тот самый момент, когда подруга схватила ее за руку. Но Эстель не хотела, чтобы Лотти действительно угадала. Она желала продлить этот миг, насладиться чужим вниманием, а потом со злорадством раскрыть свой незначительный секрет. А жизнь всегда была проще, когда Эстель получала то, что хотела.

— Что-то неожиданное? — подыграла Лотти.

— Возмутительное! — Эстель театрально схватилась за сердце.

— Ты накрыла тесто, и твоя мать впервые не поправила салфетку на миллиметр, будто ты криво ее положила?

Эстель фыркнула:

— Ага, как же.

— Твой отец сказал о ком-то что-то дурное?

— Скорее уж мама перестанет меня вечно поправлять.

В присутствии Эстель промозглый холод ямы понемногу отступал. Лотти просидела там шесть ночей в компании призраков. Но теперь они с Эстель будто снова вернулись в школу, где виделись каждый день и были неразлучны. Ни одна другая девочка не могла пролезть в их мирок.

Наконец терпение Эстель лопнуло по швам:

— Утром Генриетта зашла к нам за булочками, и угадай, во что она была одета! — На этот раз от Лотти не требовалось угадывать. — В одно из платьев, которые мистер Хинде заказал для дочери!

Генриетта была на несколько лет старше Лотти и Эстель, но когда-то они все вместе сидели в единственном деревенском классе, чтобы обучиться кое-чему перед замужеством или выходом на работу.

Генриетта, окончив школу, вышла замуж за Леннарта Хинде, богатого вдовца, жившего в самом большом доме во всей деревне. Все поднимали тосты за здоровье юной невесты и не столь юного жениха. Все улыбались, поздравляли их, танцевали и поглощали еду и пиво, купленные на деньги мистера Хинде. А Лотти слышала, что на самом деле думали в тот день гости: что не прошло и трех месяцев с тех пор, как скончалась прежняя миссис Хинде. Что Генриетта не сможет воспитать падчерицу, которая всего на семь лет ее младше. Что она совершенно не умеет ни готовить, ни шить, но стоит взглянуть на декольте ее свадебного платья, чтобы понять: Леннарт Хинде женится на ней не ради ее талантов вести хозяйство.

Злые мысли, следовавшие за теплыми словами, раздражали Лотти и не давали ей покоя.

Монахини вечно твердили, что Лотти должна покаяться. Отречься от всех недобродетельных помыслов. Но Лотти знала, как порочны помыслы окружающих.

Их мысли были мелочны, сердиты, завистливы и алчны. А их слова и улыбки в адрес Генриетты и Леннарта насквозь фальшивы.

Но проклятой при этом считалась Лотти?

Это она драила полы до кровавых мозолей на руках, через ночь спала в яме среди шиповника, была обречена жить в монастыре, пока добродетели не снимут с нее проклятие. С какой стати ей пытаться стать добродетельнее всех вокруг? Она слышала, как они упиваются своими мерзкими мыслишками, уверенные, что никто ничего не знает.

Но Лотти знала все.

Наблюдая за Генриеттой, кружившейся в свадебном платье и венке из цветов, видя, как радостно развеваются ее кудри, Лотти тоже поддалась порочному искушению. Она подцепила мысль из головы Эстель и прошептала:

— Зуб даю, она ждет ребенка. Потому ему и пришлось на ней жениться.

Лотти знала, что это не так, но вспышка мстительной радости вытеснила в разуме Эстель жгучую зависть в адрес Генриетты с ее дурацким плоским веснушчатым носом. Генриетты, вышедшей замуж за самого богатого мужчину в деревне, за мужчину, в доме которого она сможет вести жизнь изнеженной домохозяйки с мягкими руками. Вместо того чтобы подниматься до рассвета и работать в пекарне родителей, получая взамен лишь мускулы от замешивания теста да пятна от муки на невзрачных платьях.

— Я как раз подумала о том же! — прошептала в ответ Эстель и радостно шлепнула Лотти по плечу. Это привлекло внимание одной из монахинь, заметившей, как они вместе хихикают с края толпы. В наказание Лотти всю ночь отскребала оставшиеся после свадьбы грязные тарелки.

Оно того стоило.

Это мимолетное ощущение близости всегда того стоило.

Проклятие Лотти помогло ей в одном: стать той, с кем Эстель хотела дружить. Становиться ею раз за разом, снова и снова.

Лотти опять вернулась к старым детским привычкам.

— Бьюсь об заклад, Генриетта нарочно дала ему неправильные мерки, когда он делал заказ.

Этот спор она выиграла бы без труда. Лотти подслушала замысел в голове Генриетты, когда та месяц назад несла бланк заказа к почтовому фургону. Она злилась, что муж решил купить новые платья дочери, а не ей. Потому написала на бланке другие мерки. Так, чтобы дочери платья оказались велики, а на Генриетте сидели идеально. А девочка пусть донашивает их, когда Генриетте они наскучат.

Она бросила конверт в почтовый фургон и пошла прочь. Лотти вдруг подумала, что может все исправить. Выхватить конверт, пока еще не поздно. Уберечь юную дочку Леннарта от унижительного момента, когда предвкушение сменится разочарованием при виде болтающихся рукавов только что надевшего платья.

Но это было бы бессмысленно.

Монахини каждый день напоминали Лотти, что, несмотря на все ее усилия, она далеко не праведница. Даже если она поможет дочери Леннарта Хинде, ничего не изменится.

К тому же самой Лотти никто никогда не помогал. Ни рыцари из старых сказок. Ни бессмертный бергсра, который укрыл бы ее в башне от врагов. Ни даже жалостливая проклятая девочка, которая защитила бы ее от себялюбивой мачехи. Лотти никто ни от чего не защищал.

Услышав «догадку» Лотти, Эстель расплылась в ошеломленной улыбке, избавив ее от последних отголосков вины. Они уселись на садовую ограду за домом миссис Мюллер, и Эстель рассеянно вытащила из кармана сверток — две булочки с корицей из пекарни, завернутые в вошеную бумагу. Одну она отдала Лотти, которая жадно вцепилась в теплое тесто. Пустой желудок тут же отозвался урчанием. От завитков теста поднимался сахарно-коричный пар. Они быстро разделили свои булочки — Лотти отдала Эстель мягкую серединку и взяла у нее хрустящий внешний слой, хотя сама тоже больше любила сере-

динку. Таков был привычный ритуал, возникший, когда им обоим было по шесть лет.

Но, даже поедая булочки, Лотти все равно чувствовала, как негодует Эстель. Это она *должна щеголять* в платьях из города. Ей городские наряды все равно шли больше, чем Генриетте. Лотти рылась в разуме Эстель в поисках чего-то, что поможет ее отвлечь, и вдруг наткнулась на обрывок злорадной мысли:

Хотя какая разница?

Когда я уеду с Конрадом в Вальштад, у меня будет навалом разных платьев.

Мысли работали не так, как слова. Они не шли одна за другой, медленно и по порядку, раскрывая лишь то, чего хотел поведать рассказчик. Мысли ничего не скрывали и обрушивались разом. Миг — и Лотти знала обо всем, что произошло с Эстель за эти шесть дней. Будто Лотти была рядом, а не сидела в яме среди шиповника.

Эстель обратила внимание на симпатичного сезонного работника со светлой щетиной, зашедшего в пекарню за причитающейся порцией хлеба. Когда он ослепил Эстель улыбкой, от которой екнуло в животе, она бесплатно дала ему кусок пряного яблочного пирога. С тех пор они встречались украдкой в тених за амбаром после окончания дневных работ. Но Эстель все же вела себя осторожно и не решалась целиком отдаться мужчине, который через несколько дней уедет навсегда.

Но потом он произнес слова, вскружившие ей голову.

«Когда *мы* вернемся в Вальштад».

Теперь Эстель грезил не мужчиной, а городом.

Завтра, пока деревня будет отсыпаться после праздника, она сбежит и сядет в автобус, увозящий работников обратно в город. Она забрала деньги, которые родители прятали под половицами в пекарне, и отдала на сохранение Конраду. С этими деньгами она сможет продержаться, пока не найдет работу. Что-нибудь гламурное, например продавщица папирос, как в журналах. Или официантка в клубе, где бывают Хольцфалли.

Эстель собиралась уехать из Гельда, ни на секунду ни задумавшись о тех, кого оставит позади.

Даже о Лотти.

И она улыбалась, глядя Лотти прямо в глаза. Так же, как улыбалась Генриетте на ее свадьбе.

Она отряхнула руки от сахара и сказала, что ей пора возвращаться в пекарню, пока родители не заругались.

Эстель встала, забирая свое тепло, и Лотти ощутила, как холод монастыря вновь пробирается в ее тело. Но теперь он простирался на долгие годы вперед. Ее снова бросят. Она снова останется одна.

И Лотти поняла, что не может отпустить Эстель.

Сказка о лесорубе

Лесоруб и его жена

Не ходи в лес, дитя. Там подстерегают опасности, которые тебе пока не одолеть.

Теперь садись и помалкивай, а я расскажу тебе сказку о благородном лесорубе и его волшебном топоре.

Посреди древнего леса стояла крохотная деревушка Вальштад. Бедное маленькое поселение, чьи жители, как и жители всех других деревень, страшно боялись созданий, обитавших в темной чаще. Созданий столь же древних, как и сам лес.

Нёкки прятались в колодцах, хватали детей, отправленных за водой, и топили их. Тролли ломали стены хижин, как яичную скорлупу, и пожирали всех, кто был внутри. Плачущие сироты хныкали по ночам, как потерянные малыши, заманивая сердобольных матерей. А хитроумные волки, умевшие оборачиваться людьми, выслеживали юных дев, собирающих цветы на лужайках, и проглатывали целиком.

На окраине Вальштада жил молодой лесоруб с красавицей-женой. Жили они бедно, но не знали ни голода, ни холода. И были счастливы.

Но вот пришла темная зима и принесла снегопад, которому не было конца. Поговаривали, что виной тому стала междуусобица снежных великанов в горах. Как бы то ни было, снег шел день за днем, неделя за неделей, а потом и месяц за месяцем. Молодой лесоруб трудился не покладая рук, но продал все дрова, которые нарубил, а себе не оставил ничего. Без огня в очаге их дом остыл, есть было нечего, а в двери им скреблись лесные твари.

Однажды утром, когда за окном завывал студёный ветер, лесоруб, глядя, как его жена ворошит угли в надежде найти хоть искру света, понял, что ему придется взять топор и отправиться в опасную чащу.

Но какое бы дерево он ни пытался срубить, все они оказывались промерзшими насквозь и лишь разлетались на щепки под ударами топора. Лесоруб углублялся все дальше и дальше в лес, пока совсем не заблудился.

Много часов он пробирался по снегу, пытаясь найти дорогу к дому, пока вдруг не вышел на лесную опушку. Град больше не бил его по лицу, мороз не кусал за пальцы, сугробы не доходили ему до пояса. Ледяной ветер шумел в деревьях позади, но на самой опушке было тепло, как весной, на земле росла зеленая травка, а луна, пробивавшаяся из-за густых зимних туч, светила почти так же ярко, как полуденное солнце.

Посреди опушки стояло самое прекрасное дерево, какое лесоруб видел за всю жизнь. Кора блестела золотом и серебром, а рубиновые и сапфировые прожилки сверкали в лунном свете.

Лесоруб занес было топор, но тут из дерева послышался голос:

— Не надо, добрый лесоруб. Молю, не срубай мое дерево. Вместе с ним погибну и я.

Лесоруб был в отчаянии. Вернись он с пустыми руками, его и его жену ждет неминуемая смерть. Но он не мог не внять такой отчаянной мольбе и потому опустил топор.

В тот же миг в стволе дерева появилось лицо. Затем рука, нога, и наконец из сердцевины древа вышел хульдрекалл с кожей и одеянием из золотой коры, с волосами из рубиновых листьев и венами из серебряной смолы.

— Благодарю тебя, почтенный лесоруб. — Хульдрекалл был бессмертен и правил всеми, кто жил в лесу. И все же он поклонился лесорубу. — За твою доброту я исполню любые твои желания.

Желания лесоруба были незамысловаты. Он хотел вернуться к жене. Принести с собой достаточно дров, чтобы им хватило до весны. И защитить любимую от лесных чудовищ, скребущихся им в дверь. Хульдрекалл удивился столь скром-

ным просьбам и повторил свое предложение. Он сказал, что может дать лесорубу все сокровища из королевской казны. Но благородный лесоруб лишь покачал головой. И хульдрекалл исполнил его скромные пожелания.

Сначала он дал ему кольцо, свитое из золотистых ветвей его дерева. Это кольцо, сказал хульдрекалл, укажет и осветит лесорубу путь через чащу, куда бы тот ни пожелал направиться.

Потом хульдрекалл протянул руку и отломил с дерева ветвь покрупнее. Изогнувшись, ветвь приняла форму острого топора — лучшего из всех, какие лесорубу доводилось видеть. Хульдрекалл вручил лесорубу топор и пообещал, что им можно будет свалить любое дерево с одного удара.

— Сруби деревья вокруг своего дома в форме круга, — сказал хульдрекалл, — и ни одна лесная опасность не преодолеет эту границу.

Таков был его дар лесорубу. И его детям. И детям его детей. Пока потомки лесоруба будут хранить топор, хульдрекалл будет их защищать.

Глава 3

ТЕО

Когда-то рыцари совершали великие подвиги. Сражались в битвах, спасали принцесс, охотились на чудовищ.

Но теперь все битвы были выиграны. Правители больше не носили корон. А чудовища попрятались в лесах.

Этим утром Теодрик Риддер, рыцарь дома Хольцфалль, связанный клятвой потомок Хартвина Риддера, охотился на сбегавшую наследницу.

Из бара «Эш» как раз выходили неровным шагом развлекавшие всю ночь посетители, подслеповато шурясь на восходящее солнце. Пробираясь через подвыпившую толпу, Тео разыскивал взглядом копну темных волос. В прошлый раз, придя забрать отсюда Нору, он обнаружил ее стоящей во весь рост на столе — она строила башню из фужеров для шампанского. Вокруг собралась золотая молодежь из 1-го круга, подбадривая ее и ахая, когда башня накренялась. Как только в бар вошел Тео, Нора повернула к нему голову. Даже такого крохотного движения хватило, чтобы фужеры зашатались и обрушились, разбиваясь вокруг Норы и сверкая, как звезды.

Под утренним светом осколки стекла казались лишь мусором, оставшимся с прошлой ночи, как и потерянные перчатки и безделушки. Дневной свет забирал все очарование подобных мест. Среди беспорядка стояли несколько посетителей. Те, кто был слишком пьян или слишком богат, чтобы их выставили за дверь.

Теохватило одного беглого взгляда, чтобы понять: Норы здесь нет.

Каждого Хольцфалля всегда должен был сопровождать рыцарь. Даже братьев Мерси Хольцфалль. Они утратили всякое